

УДК 321.01

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ**

© 2012 г. В.Я. Любашиц, С.А. Григорян

*Южный федеральный университет,
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88*

*Southern Federal University,
88, M. Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007*

*Ростовский филиал
Российской академии правосудия,
344038, г. Ростов-на-Дону,
ул. Ленина, 66*

*Rostov Branch of
Russian Academy of Justice,
66 Lenina St., Rostov-on-Don,
344038*

В статье анализируются доктрины политической философии о влиянии глобализации на деятельность государства.

Ключевые слова: *глобализация, доктрина, политическая философия, реализм, конституционализм, государство.*

The research analyses the political philosophy doctrines of impact of globalization on modern state activity.

Keywords: *globalization, doctrine, political philosophy, realism, constitutionalism, state.*

Термин «глобализация» происходит от французского слова «global» – «всеобщий». Этим термином обозначается объективный процесс формирования, функционирования и развития принципиально новой всемирной системы отношений между странами и народами на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества [1, с. 106]. В широком смысле слова под глобализацией, с одной стороны, понимается перерастание национальных и региональных проблем в общемировые, а с другой – формирование общей хозяйственной, социальной и природно-биологической среды в планетарном масштабе. В узком смысле слова процесс глобализации трактуется только в социоэкономическом аспекте как превращение национальных, социетальных и хозяйственных структур в целостную и единую геосоциоэкономическую реальность.

Представители политической философии реализма и институционализма с противоположных позиций оценивают влияние глобализации на деятельность национального государства. Реалисты полагают, что в глобализованном мире государство продолжает преследовать свои собственные интересы. «В международной политике, – утверждает Н.Спайкмен, – допустимы все формы насилия, включая разрушительные войны. Это означает, что борьба за власть тождественна борьбе за выживание, и главной задачей внутренней и внешней государственной политики становится усиление властных позиций. Все остальное вторично» [2, с. 18]. По мнению Дж. Доннелли, в глобализованном мире отсутствует мировое правительство, которое бы руководило действиями государств на международной арене. «Чтобы выжить на этой арене, государство должно преследовать свои собственные интересы и больше ничьи» [3, с. 12].

Реалисты отрицают влияние глобализации на изменение власти государства.

Противоположную позицию занимают институционалисты. Они предсказывают замену национального государства транснациональными институтами глобализованного мира. К. Омае утверждает, что в условиях глобализации национальное государство превращается «в ностальгическую функцию» [4, с. 12]. По мнению В. Рейнеке, «глобализация бросает вызов суверенитету национального

государства» [5, с. 129]. Разросшиеся международные организации и режимы, интернализация международных норм местными гражданскими обществами приводят к эрозии государственного суверенитета.

В исследованиях институционалистов, посвященных изучению этого процесса, подчеркивается одно из его важнейших последствий – изменение функций государственной системы [6]. Если прежде государственные институты самостоятельно определяли основные параметры национальной внутренней и внешней политики в экономической и социальной сферах, осуществляли безраздельный пограничный контроль над перемещением людей и товаров по своей территории, то сегодня понятие национального суверенитета размывается. Наиболее могущественные в экономическом и военном аспектах государства оказывают все более сильное влияние как на внутривнутриполитическую, так и на внешнеполитическую ситуацию в менее влиятельных странах. Еще одним важным следствием глобализации современного мира является возникновение надгосударственных институтов, придающим межгосударственным отношениям признаки федеративной структуры. Наиболее ярко это наблюдается в Европейском союзе.

Преодолению крайностей позиций реалистов и институционалистов служит системно-функциональный подход, ориентирующий на изучение процессов адаптации государства к вызовам глобализованного мира. В ходе этой адаптации происходит изменение характера государственной власти и корректировка государственных функций. Обратимся к изменениям власти и функций государства в условиях глобальной экономики.

Указанные эффекты процесса глобализации корнями восходят к периоду разгара холодной войны, расколовшей мир на два полюса. В этот период в национальных государствах Западной Европы начались процессы экономического, политического и военного объединения, чему, по мнению П. ван Хама, способствовали два основных фактора [7, с. 190]. Во-первых, это угроза, исходящая от стран - членов Варшавского договора, которая заставила европейские страны забыть о своих исторических распрях и объединиться против общего врага. Во-вторых, европейскую интеграцию подстегнуло послевоенное доминирование США. Перед лицом советской угрозы американцы вкладывали значительные средства в укрепление обороноспособности стран Западной Европы, что позволяло последним отвлекать значительные ресурсы именно на экономическое развитие. Следовательно, именно внешние факторы способствовали немыслимой в недалеком прошлом межгосударственной кооперации в послевоенной Европе.

Наиболее важным признаком сложившейся в послевоенной Европе институциональной структуры является относительная стабилизация государственно-территориальных границ. Западноевропейские государства не стремились к увеличению своего могущества за счет территориальной экспансии, что прерывало прежний ход истории в этой части света. Возникновение новых режимов и международных организаций снизило необходимость национальных государств прибегать к односторонним средствам обеспечения собственной безопасности и отстаивания своих интересов. Они все более начинали оценивать свое благосостояние в экономическом, а не геополитическом аспектах. Если на протяжении длительного периода времени государства держались преимущественно на территориальных завоеваниях, в этот период они начинают ориентироваться на контроль над распределением мировых ресурсов как на основное средство обеспечения своего благосостояния. Товары постепенно приобрели большую мобильность, чем капитал и рабочая сила, что привело к возникновению торгового государства [8, с. 160].

Торговое государство обладает рядом особенных характеристик. Во-первых, оно не рассматривает военное соперничество как атрибут власти. Атрибутом власти оно полагает международную торговлю. До середины XX в. экономически выгодным был захват силой чужой территории, нежели создание изолированных экономических и торговых институтов, приносящих прибыль от коммерческого обмена товарами с соседними территориями. Сегодня цена силового обеспечения благосостояния превышает экономическую выгоду, которое оно приносит. Распространение современных видов вооружений, таких как ядерное, биологическое и химическое,

имеющийся у них разрушительный потенциал вызывают сильное сопротивление со стороны общественности и провоцируют ненужные конфликты в обществе. Кроме того, торговое государство преследует экономическое развитие на основе принципов свободного рынка, а не на основе меркантилистской модели, ориентированной только на получение сверхприбыли. Поэтому оно стремится приспособить местные рынки и структуры к нормам международного рынка.

Развитие европейского рынка привело к серьезному изменению власти государства и переопределению его роли в экономических процессах. Функцией государства стала организация и защита саморегулирующегося рынка [9, с. 202]. При либеральной демократии ценностями выступают благосостояние потребителя и самостоятельность рынка, и государство играет незначительную роль. Современному же государству свойственно нести постоянную ответственность за обеспечение людей товарами и исправление ошибок рынка для содействия экономическому росту и стабильности. Поэтому у торгового государства сформировались иные политические и экономические интересы в сравнении с прежним национальным государством. Акцентируя внимание на торговле, а не на силовой экспансии, торговое государство большую часть своих ресурсов направляет на разработку и производство новых товаров и на завоевание новых позиций на международном рынке. Те страны, которые полностью интегрировались в глобальный рынок, имеют очень хорошие показатели экономического роста даже в условиях недостатка природных ресурсов. Примерами могут служить Сингапур и Тайвань. Вместе с тем страны, ориентированные на игнорирование процесса глобализации, независимо от того, какими природными богатствами они обладают, оказываются на обочине мирового экономического пространства, примером чему служило положение Советского Союза [10, с. 77]. Торговые государства в большей мере способны кооперироваться друг с другом и создавать институты и режимы, ограничивающие международную анархию. Они также приобретают интерес в развитии и поддержании экономического благосостояния и в странах-партнерах, поскольку начинают осуществлять прямые инвестиции в их экономику. Эти инвестиции касаются промышленной инфраструктуры, поэтому они не являются высоколиквидными в рамках локального рынка. Именно взаимное вложение инвестиций развивает кооперативные тенденции на межгосударственном уровне. Причем эти кооперативные тенденции заключаются не просто в попытках гармонизации экономической политики друг друга, но и в желании нести кратковременные убытки, пока торговые партнеры не приспособятся к новой политике.

Появление таких кооперативных тенденций вызвано действием трех факторов. Во-первых, торговое государство опирается на открытую международную торговую систему, которая исключает такие барьеры, как тарифы, квоты или ценовая поддержка, обязательно включает свободу и открытость торговли и гарантирует свободное передвижение капитала. В такой системе государства получают возможность беспрепятственно инвестировать друг друга. Во-вторых, торговые государства обеспечивают собственную безопасность посредством коллективных усилий, а не через обособление. Государства Западной Европы в последние сорок лет могли существенно экономить свои расходы на оборону, поскольку отдельные страны несли их не самостоятельно, а в рамках общеевропейской системы безопасности. В-третьих, торговые государства признают, что во взаимозависимом мире они не могут занять позицию игнорирования международных организаций и режимов без серьезных экономических и политических потерь для себя. Иначе говоря, полная независимость и свобода действий отдельных государств – это совершенно нереалистические ожидания в современной международной политике.

В Западной Европе итогом кооперативных тенденций между торгующими государствами стало укрепление торговых связей. После подписания Римского соглашения в 1957 г. 37% экспорта двенадцати стран Европейского Союза приходилось на внутривосточный общий рынок. В 1970 г. эта доля возросла до 53%, а к 1991 г. такой экспорт составил 61% торгового оборота стран ЕС [11, с. 90]. Более того, с 1980 г., когда рост ВВП 12 стран ЕС находился в пределах 2,1% в год и увеличение внешнего торгового оборота за пределами ЕС составляло приблизительно

1,1% в год, рост торгового оборота внутри Европейского Союза находился в пределах 4,2% в год. Наиглавнейшим результатом такого социоэкономического процесса стал полный отказ от войны как средства решения политических вопросов, однако это сопровождалось ростом ограничений автономии национального государства.

Торговые государства ограничены сложившимися в процессе эволюции «постоянными нормами» международных отношений. Постоянными нормами называются такие правила взаимоотношений, нарушить которые можно только при наличии особых оправданий. Примером таких норм могут служить правила «контракт всегда должен быть выполнен» и «долги всегда нужно отдавать». Такие нормы добровольно принимаются участниками взаимоотношений, поскольку они воспринимаются как лучшее средство достижения целей. Если же государства полагают, что они могут достичь определенных целей самостоятельно, заплатив за это приемлемую цену, они избегают вовлечения в подобную систему отношений. Однако очевидно, что выгоды от принятия ограничений государственной автономии, налагаемых режимом торговых отношений, должно быть значительно больше. Иначе бы такая система не получила широкого распространения в современном мире.

Интеграция государств в глобальную экономику происходит неравномерно и приводит к появлению неравенства государств по степени экономического могущества. В.Иноземцев отмечает тенденцию усиления замкнутости кооперативных связей экономически влиятельных государств. О тенденции свидетельствует статистика современной международной торговли, движения инвестиций и потоков рабочей силы [12, с. 30-31].

На протяжении XX века рост торговых оборотов опережал рост ВВП большинства индустриально развитых стран. Если суммарный ВВП всех государств мира вырос с 1950 по 1992 год с 3,8 до 18,9 трлн. долларов, то объем торговых оборотов повысился с 0,3 до 3,5 трлн. долларов. В конце 80-х – первой половине 90-х годов рост объемов мировой торговли характеризовался показателями от 5,3 до 7 % в годовом исчислении. Между тем структура этих торговых потоков существенно изменилась. В 1953 году индустриально развитые страны направляли в страны, достигшие того же уровня развития, 38 % общего объема всего экспорта, в 1963 эта цифра составляла 49%, в 1973 – 54%, в 1987 – 54,6%, а в 1990 – 76%. Во второй половине 90-х годов постиндустриальные державы импортировали из развивающихся и индустриальных стран товаров и услуг на сумму, не превышающую 1,2% своего суммарного ВВП. В 1996 году отношения экспорта к ВВП было в Соединенных Штатах втрое меньше, нежели в Англии 150 лет назад, в середине 40-х годов XIX века. В Европе формальные показатели оставались более высокими, однако это обуславливалось тем, что товарные потоки внутри ЕС, на долю которых приходилось 74% всех экспортно-импортных операций европейских стран, учитывались как международные. Картина резко изменилась с завершением формирования Европейского союза. Величина торговых потоков между ЕС и развивающимися странами (за исключением Китая) сегодня не превышает объема торговли со Швейцарией [13, с. 30].

Еще более показательна динамика международных инвестиционных потоков, раскрытая на примере США. С одной стороны, несмотря на рост инвестиции в американскую экономику в 30 раз на протяжении периода с 1970 по 1990 год, компании 7 стран – Англии, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов – обеспечивали суммарно 85% всех инвестиций в США и выступали реципиентами для более чем 60% всех американских капиталовложений за рубежом. Если в 1970 году в Европу направлялось не более трети всех американских инвестиций, то сегодня – более 50% (в новые индустриальные страны Азии – не более 8%, а в Мексику – около 3%). При этом развитые страны вкладывают средства в наиболее передовые сектора хозяйства друг друга. В начале 90-х годов 63% американских инвестиций в европейские страны направлялись в сервисный сектор, а 31 – в индустриальное производство; европейцы вкладывали средства в американскую промышленность (49%), а также в банковскую и финансовую сферы (25%). Напротив, инвесторы из Японии и новых индустриальных государств предпочитают лишь спекулятивные капиталовложения или ограничиваются покупкой торговых компаний (41%) и недвижимости (30%). Доля японских инвестиций в промышленное

производство не превосходит 18% для США и 16% – для ЕС. Степень монополизации финансовых транзакций в рамках развитого мира еще более очевидна.

Наблюдаются противоречивые последствия глобализации на рынке труда. Сокращение иммиграции в развитые страны стало реальностью, начиная с середины 70-х годов. Сегодня в ЕС лишь 2% рабочей силы находят себе применение вне национальных границ. Одновременно усиливается давление на постиндустриальные страны со стороны иммигрантов из «третьего» мира. Если в 50-е годы 68% легальных иммигрантов, прибывавших в США, происходили из Европы или Канады и принадлежали к среднему классу, то в 80-е годы более 83% были азиатского и латиноамериканского происхождения. Они, как правило, не имели достаточного образования. В европейских странах, как и в США, иммигранты пополняют низшие классы общества и создают жесткую конкуренцию местным работникам. Сегодня в молодежной среде негативное отношение к иммигрантам разделяют от 27,3% французов до 39,6% немцев и 41% бельгийцев. В США только на протяжении последних трех лет администрации ряда округов шести крупнейших штатов – Калифорнии, Флориды, Нью-Йорка, Аризоны, Техаса и Нью-Джерси – возбудили официальные судебные иски против Федерального правительства (суммы колебались от 50 млн. до 33 млрд. долларов), требуя компенсировать их финансовые потери, вызванные излишней либеральностью национального иммиграционного законодательства. По мнению В. Иноземцева, ближайшее десятилетие станет для США и ЕС периодом более жестких ограничений использования иностранной рабочей силы [14, с. 31].

Таким образом, распространение и усиление международных организаций и режимов оказались вызовом традиционному понятию государственного суверенитета. Реалисты утверждают, что национальное государство остается главным участником глобальной системы отношений, и международные институты выражают их волю. Институционалисты заявляют, что международные организации и режимы ограничивают самостоятельность современного государства в осуществлении своих функций. Преодолению крайностей волонтаристического подхода реалистов и процессуального подхода институционалистов служит более широкий системно-функциональный анализ. Современное государство интернализирует международные нормы и правила, что ограничивает традиционный государственный суверенитет, и одновременно приобретает новые функции государства-члена международного сообщества, что увеличивает власть государства в решении внутри- и внешнеполитических задач.

В постхолодный период институты глобальной экономики, международные организации и режимы ограничили самостоятельную деятельность государства. Государственное участие в глобальной экономике приводит к появлению торгового типа государства, измеряющего свое могущество долей мировых экономических ресурсов, а не размерами территории и военной силы. Торговое государство направляет большую часть своих ресурсов на разработку и производство новых товаров и на завоевание новых позиций на международном рынке. Торговое государство заинтересовано в поддержании экономического благосостояния в странах-партнерах, поскольку осуществляет прямые инвестиции в их экономику. Усиление взаимозависимости торговых государств сопровождается возникновением государственного неравенства по степени экономического могущества. Государства, развивающиеся на постиндустриальной основе, образуют замкнутую систему, в то время как индустриальные и доиндустриальные страны оказываются в положении зависимости от этой системы. Об этом свидетельствуют замыкание торговых и инвестиционных потоков в пределах постиндустриальной системы, ее растущая устойчивость к потрясениям периферии хозяйственным кризисам и ужесточению иммиграционной политики.

Какие же государственные функции остаются обязательными и останутся таковыми в будущих режимах эпохи глобализации? Теодор Лоуи, профессор Корнеллского университета (США) считает, что ответ на этот вопрос требует настоящего анализа политических акций. По его мнению, перемалывание цифр, даже извлеченных из лучших источников, которые может предоставить Организация

экономического сотрудничества и развития, не есть анализ политики. В первую очередь следует охарактеризовать политические действия как функции государства, но для этого необходимо обратиться к традициям публичного права, государственного управления, классической политической экономии и других важнейших направлений политической мысли. Здесь нужен исторический подход, так как только он позволит выявить те типы политики, которые столь долговременны, постоянны и непререкаемы, что их можно оценить в качестве «функций государства». Лоуи приводит перечень восьми функций, которые, согласно его исследованиям, обязательны для государства, обеспечивающего основные предпосылки рыночной экономики. Речь идет о формах деятельности, которые находятся «вне рынка», предшествуют ему и должны присутствовать до того, как богатые люди в своем стремлении увеличить уже имеющееся у них богатство возжелают выступить и создать рынок. Некоторые управленческие предпосылки частной рыночной экономики:

- завоевание – обеспечение закона и порядка;
- гарантии для собственности;
- надзор за соблюдением контрактов;
- создание условий для осуществления обмена;
- создание возможностей для передачи государственных владений в частные руки;
- обеспечение избыточного общественного капитала;
- создание условий для удовлетворения потребности в рабочих местах;
- обеспечение аллокации ответственности за имущественный ущерб;
- меры, обеспечивающие аллокацию ответственности за имущественный ущерб;
- меры, обеспечивающие компенсацию за имущественный ущерб;
- меры, направленные на снижение уровня риска в обществе.

По мнению Лоуи, приведенный список – не простое перечисление. Это повестка дня для исследователей, занимающихся изучением политики экономического развития как прошлого, так и будущего, т.е. эпохи глобализации капитализма [15, с. 113].

Литература

1. Капто А.С. Энциклопедия мира. М., 2002.
2. Spykman N.J. American Strategy in Worldpolitik: The United States and the Balance of Power. N.Y., 1994.
3. Donnelly J. Realism and International relations. Cambridge, 2000.
4. Ohmae K. The End of the nation State. L., 1998.
5. Reinicke W.H. Global public Policy // «Foreign affairs»: Wash., 1997. V.76, № 6.
6. Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева / Под ред. А.А. Галкина М., 2003.
7. Ham van, P. Can Institutions Hold Europe Together? // In: Miall H., ed., Redefining Europe: New Patterns of Conflict and Cooperation. London, 1994.
8. Rosecrance R. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World. N.Y., 1986.
9. Ruggie J.G. International Regimes, Transactions and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order // Krasner S., ed. International Regimes. Ithaca, 1983.
10. Putnam R. Two-Level Games: The Impact of Domestic Politics on Transatlantic Bargaining // In Haftendorn H. And Tuschhoff C. eds., America and Europe in an Era of Change. Boulder, 1993.
11. Cable V. Key Trends in the European Economy and Future Scenarios // In: Miall, ed., Redefining Europe. N 24.
12. Иноземцев В. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль – XXI век. 2000. № 1.
13. Там же.
14. Там же.
15. Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // Полис: 1999. №5.